

О КНИГАХ ПРОХАНОВА «ЦДЛ» И «ДЕНЬ»

БЕСЕДУЮТ ИСТОРИК АНДРЕЙ ФУРСОВ И ЖУРНАЛИСТ АНДРЕЙ ФЕФЕЛОВ

Окончание. Начало — на стр. 1

Андрей ФЕФЕЛОВ. И противостоял этой власти высшее руководство СССР.

Андрей ФУРСОВ. Причём силы оказались не равны, поскольку это руководство не было субъектным, не было субъектом. И это опять же чётко зафиксировано в романе "ЦДЛ". Будущие гэкачеписты, за которыми Куравлёв наблюдает как в формальной, так и в неформальной обстановке, казались ему "недалёкими", почти примитивными для того дела, которое затевали. Куравлёв не знал, что это за дело, но оно требовало изошёренности, гибкого ума. Всего того, чем в полной мере обладали перестройщики: Яковлев, Франк, Дейч, Явлинский, Чубайс…

Думаю, что это завышение способностей и силы перечисленных людей, потому что их сила была в том, что за ними стояли куловоды, в том числе западные. Вернувшийся из Парижа писатель Макавин (это явно Маканин, который в 1970-е — 1980-е годы писал очень неплохие рассказы и повести, а потом скурвился и потерял дар свой скромный, как, кстати, и Астафьев) говорит Куравлёву: "Богатые люди на Западе — в Париже — решают судьбу России. Они уже пришли в Россию". Да, пришли и начали тесно контактировать с теми силами в стране, которые поставили на слом строя. Я далёк от мысли о том, что Запад сам по себе взял и развалил СССР, но то, что Запад (а также Израиль и Китай) весьма способствовал этому, а на рубеже 1988–1989 годов перехватил инициативу у своих советских подельников, сомнений у меня не вызывает, недаром Мадлен Олбрайт главную заслугу Буша-старшего видела в руководстве развалом Советской империи.

А вот пример от себя — история, рассказанная мне весьма информированным человеком. Как известно, при постоянной борьбе разведок, спецслужб между ними существуют также постоянные контакты, обмен информацией, взаимная сдача агентов и т. п. 1 декабря 1988 года близкий друг тот информированного человека встретился со своим британским визави, и тот доверительно сообщил ему, что принято решение о демонтаже СССР: уходят Прибалтика, возможно, Молдавия, кто-то из закавказских и среднеазиатских республик. Советский службист этому не поверил, буквально через день улетел в Спитак, где произошло землетрясение, и почти забыл о разговоре. В Москву он вернулся в конце января 1989 года, а в начале февраля их собрал Крючков и буквально повторил то, что двумя месяцами ранее было услышано от британского разведчика, т.е. озвучил некое решение. Кто его принимал? Ну уж точно не Горбачёв с Раисой и не Ельцин с Яковлевым — до них, что называется, довели.

Ясно, что игра шла с обеих сторон границы, и от неё во все стороны расходились волны: жизнь выворачивалась наизнанку, говоритс в романе, она заполнилась перебежчиками из советского лагеря в антисоветский, "Крысы", причём, как правило, обласканные властью, побежали с корабля и стали играть большую роль в разрушительной перестроечной пропаганде. А у противоположной стороны с пропагандой было не просто туго, а контрпродуктивно: "В политике соперничали две могучие группировки", — пишет Проханов в "ЦДЛ". Одна отстаивала основы, которые казались незблемыми. Другая сокрушала эти основы легко, насмешливо, "пела песни, сочиняла стихи".

Андрей ФЕФЕЛОВ. Глумилась и кривлялась на ТВ.

Андрей ФУРСОВ. Я хорошо помню убого-примитивную передачу "Взгляд", где высмеивалось абсолютно всё. Я не был членом КПСС и, мягко говоря, не испытывал к ней никаких симпатий, но меня бесило, что в этой передаче участвовали партийчиками и военные. Зачем мы пришли к этому уродам? Не надо с ними садиться за один стол. Пришли? Но тогда не надо подстраиваться под "хозяев", заискивать перед ними! Неужели нет чувства собственного достоинства? "Куравлёв видел, как хлístico и весело истреблялись репутации неукожных советских велижков. Молодые журналисты из программы "Взгляд" приглашали в эфир маршала, секретаря обкома, депутата и куражились, измыкались своими шуточками, остроумными вопросами. Гость хотел быть модным, современным, неуклюже, консынозачно отшучивался, обнаруживал свою козность, убогость. Веселыячки, натешильщики, отгласили покусанного маршала, включили бойкую рок-группу, праздную победу…". Советская верхушка проиграла в информационно-интеллектуальной борьбе: "Государственные мужи владели флотами, воздушными армиями, разведкой, казной, но не владели тем сатанинским интеллектом, каким владели противники". Впрочем, "Взгляд", "Прожектор перестройки", "Огонёк" — всё это, при их важности, было акцией прикрытия базовой операции: с советской стороны — легализации теневых капиталов их владельцами и ГБ-кураторами последних, с западной стороны — максимального ослабления СССР, захвата его рынков и деиндустриализации экономики.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Горбачёв это понимал?

Андрей ФУРСОВ. Конечно, нет. Думаю, это не понимала и его "мозг" — Раиса Максимовна, ушлая, но примитивно-советская тенька с партбилетом.

Андрей ФЕФЕЛОВ. А Крючков?

Андрей ФУРСОВ. Крючков бездарно руководил КГБ, не был ни умным, ни мужественным человеком. За ним немало провалов. Один побед предателя Гордиевского кое стоит. Такие впечатления, будто в конце 1980-х Крючкова подогнала чья-то злая воля. Чья? Не знаю. Может, британцы. Провал ГКЧП — это его "заслуга". Хотя, возможно, он всё знал и действовал в соответствии с отведённым ему "коридором", но тогда это уже заслуга без кавычек, только заслуга перед врагами СССР. Впрочем, стоит ли валить всё на Крючкова или Чебрикова — двух серых чиновников? Провалился созданный Ю.В. Андроповым, а точнее, бригадой чкистов-генералов, стоявших за ним, КГБ. Ну, и конечно, все эти люди плохо понимали страну и систему, которой управляли. Их мир не просто оторвался от мира страны, он не соответствовал её сложности.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Видимо, управляющий слой оказался неадекватен тем механизмам, которые были выстроены.

Андрей ФУРСОВ. Есть закон Эшби — Шеннона — Винера: управляющая система должна быть сложнее управляемой. Только в этом случае всё работает, а управляющие сохраняют свои позиции. В конце 1950-х—начале 1960-х годов советское общество, экономика достигли такого уровня сложности, что старая система планирования уже не справлялась, нужна была новая. Она была создана академиком В.М. Глушковым — Общесоюзная автоматизированная система (ОТАС). Однако номенклатура заблокировала её, ступив на тормозах. "Партюкраты" опасались, что придётся делиться властью с "технократами", и выбрали детант, застой и интеграцию в капиталистическую систему. Это позволяло им законсервировать, правда, ненадолго, свою власть, свои привилегии. А общество тем временем становилось сложнее. В середине 1980-х годов разрыв между уровнями сложности достиг весьма высокого предела. Ни Горбачёв, ни Крючков этого не понимали. Они жили в своём мире, откуда их и вышибли, ступив в "унитас Истории". Не стоит преувеличивать мощь и изошёренность тех, кто ломал СССР, они кажутся такими на фоне ничтожества позднесоветских велижков.

ГКЧП — это зеркало неадекватности позднесоветской верхушки обществу и обстоятельствам; ведь, помимо прочего, они позволили спровоцировать себя на "путч" и попались на манипуляторскую удочку. А манипуляторы вынуждены были торопиться: насколько мне известно, на осень 1991 года планировался Пленум ЦК КПСС, где Горбачёва должны были отстранить, а возможно, и арестовать, готовились юридические документы для этой акции. Гэкачеписты клонули на приманку и вылезли. При этом вылезли-то люди, не готовые брать власть — "почту, телефон, телеграф", безвольные. Вот как Проханов описывает их знаменитую пресс-конференцию: "Все они сидели плотно друг к другу, как куры на насесте. И было в них что-то птичье — пуливило, словно их лишили языка, поразили консынозачием. Их ответы были рыхлые, квёлые, в них не было воли. Куравлёв вернулся в газету, Макет "Дня" висел на стене с браваурным лозунгом "Слава ГКЧП!". Слава этим растерянным беспомощным людям, которых переиграли, обманули?"

Кстати, о ничтожествах. В романе нет образа Горбачёва, но хорошо выписан Ельцин: "Куравлёву показалось, что в его дом вошёл огромный истукан с вырубленным ртом, в котором вяло чавкал застывающий бетон. Язык с трудом проворачивал застывающее месиво. Ямыни, в которых должны были помещаться глаза, смыкались. И над ними что-то липко блестело". Да это просто Идиолжи Поганое из русских былин, которого сразил Илья Муромец. Не нашлось в наши дни Муромцев.

Эту истуканность-идоличность "ЕБНа" я близко наблюдал в апреле 1992 года на съезде нардепов. Он мог часами сидеть бездвижно, буравя глазами зал. Во время съезда произошёл интересный эпизод. Выступал Гайдар. Сидевшим в зале депутатам, в основном советским собакевичам, он, абсолютно не чувствуя аудиторию, прижимывая, пытался объяснить что-то сложно-непонятое для них про экономику. Зал, который и так-то испытывал к Гайдару социальную и физико-антропологическую ненависть, накалился. Ельцин звериным чутьём почувствовал ситуацию, налилс киричиком и рявкнул: "Ягор Тимурыч, садитесь!" Гайдар послушно засеменил на место, а Ельцин, набычавшись, оглядев зал тяжёлым взлядом, выдалил: "Ан хотел сказать, шта…". И дальше за 10 минут на простом языке объяснил, "шта" хотел сказать Гайдар. И хотя большая часть зала Ельцина, мягко говоря, не любила, физико-антропологически они были одного с ним типа. Ельцин, по сути, отманипулировал залом, а кто-то активно манипулировал им.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Поэтому Ельцина и выбрали, его зата-нули в эту историю. Потому что Ельцин сам по себе не мог быть двигателем этих процессов…

Андрей ФУРСОВ. Само появление на верхних эстажах власти людей-предателей типа Горбачёва и Ельщина, а также людей, чей уровень в лучшем случае — начальный производства на заводе ("рыжжовы"), массовиков-затеяников ("янаевы") и просто "хренков" ("крючковы"), говорит о том, что иммунная подсистема Системы не работала. Плохо проверялась информация по родственникам (того же Горбачёва), а в каких-то случаях по партийно-карьерной лестнице специально двигали уже подсаженных на крючок компромата персонажей. Был у нас один деятель, который сделал массу примирительных шагов по отношению к американцам, секреты им выдавал. И уже после того, как этот плохиш свою измену совершил и оказался не у дел, выясняется, что его дед — колчаковского офицера — расстреляли красивые. Когда мой знакомый, которому бывший гэбшник это рассказал, спросил того: "Вы об этом знали?!", ответ был: "Конечно, знали! А двигали, потому что это потрясающий крючок, на который мы его подвесили!". Они его подвесили, ну-ну. А потом он их подвесил. То есть эта игра, когда марионетки, куклы меняются местами с Карабасом-Барабасом. Точнее, так какие-то куклы находят себе другого Карабаса-Барабаса.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Когда мы говорим обо всех этих людях, которые вылезли, как "личники из тела погибающего кита" (метафора Проханова), надо понимать, что в самом "ките" что-то было не в порядке.

Андрей ФУРСОВ. Подгнило что-то в советском королевстве, и довольно давно, как минимум в 1960-е годы. Уже тогда в самой власти сформировался сегмент, повернутый в сторону Запада, работавший на интеграцию СССР в капитистму, на конвергенцию с ней. В одном из интервью Вячеслав Николаевич Матузов, в прошлом — сотрудник Международного отдела ЦК КПСС, блестящий специалист по арабскому Востоку, рассказав интересный историю, которую позже подтвердил мне в личной беседе. Однажды, в 1974-м году, в разговоре на троих: он, зам. зав. Международным отделом Румянцев и (тогда) собкор "Правды" Примаков, — последний заявил, что социализм себя практически исчерпал, а жить надо как на Западе. Матузов начал горячо возражать, однако Румянцев, вызвав Вячеслава Николаевича покурить, категорически запретил ему спорить с собкором. Оценим ситуацию: зам. зав. Международным отделом вместо того, чтобы сделать вышнее Примакову, реагирует на его оппонента. Я не думаю, что Примаков хотел разрушения СССР, но он был сторонником конвергенции, наведения мостов с Западом, которое закончилось вовсе не так, как хотелось Примакову и ему подобным. Не было у них классового чутья и стратегического мышления, а у их западных "партнёров" было. Именно поэтому в после-сталинском СССР те преуспели в создании целой сети "полезных идиотов", агентов влияния и просто агентов.

Сейчас ясно, что в советской верхушке сторонников конверген-ции уже в 1970-е годы было немало, в частности, почти вся интеллектуальная служба генсеков от Брежнева до Горбачёва, два десятка человек, все эти бовины-арбосты-черныявы. При всей их беспринципности жить-то они, действительно, хотели как на Западе. Собственно, это и был их и "принцип", и мечта — как мечта Остапа Бендера о Рио-де-Жанейро и белых штанах.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Примаков имел неформальное огромное влияние. Это надо понимать. И понимать, что происходит сейчас.

Андрей ФУРСОВ. Это так, отчасти. Когда мы с Матузовым обсуждали этот вопрос, я сказал, что не верю, будто Примаков был плеймейкером, "смотрящим за Россией", как называют его некоторые суперподозрительные ура-патриоты. Фигура серьёзная, но не крупная и, что очень важно, не вор. Он, действительно, смотрелся прилично и солидно, но нужно помнить, на каком фоне — грустном, если не сказать гнусном, — той шантрапы, которая дорвалась до власти в 1990-е годы. Наконец, крупные фигуры не проигрывают борьбу за власть так бездарно, как проиграли её в 1999-м году Примаков, Лужков и К^О. Это даже неинтересно. Более интересно другое.

По мере формирования в номенклатуре конвергентно-проза-пного сегмента, не очень большого, но весьма влиятельного, по мере интеграции СССР в мировой, т.е. капиталистический рынок (а тут и детант подоспел) в различных сферах советского общества — науке, литературе, кино и др., — начали формироваться отrostки-элементы этого сегмента. Они были завязаны на конвергентов, которым легче было проводить свои идеи не напрямую, в сфере власти, а опосредованно — через фильмы, романы и т. п. В результате уже в 1970-е годы формируются структуры, а точнее — сети, альтернативные формальным структурам власти (государственным, но, к сожалению, далеко не всегда государственнымским). Имев свой выход на Запад, кстати, поощряемый по ряду тактических причин властью, Центроверком, они начинают использовать это как капитал и приобретать всё больше значение. Важную роль в функционировании этих сетей играли космополитично-либерально-гэбшские салоны ("культура" была важным делом, за неё отвечали серьёзные люди: в 1930-е годы — Агранов, в 1970-е — 1980-е — Бобков) — сначала Лили Брик, а затем сменивший её салон Майи Плисецкой и др.

Куравлёв/Проханов почувствовал силу этой сети на себе. В самом начале романа описан очень интересный эпизод. Вышедший роман Куравлёва понравился власти, но он также понравился и её неформальной тени — контролёрам сетей "ловцов челове-ков". Понравилось то, что Куравлёв, хотя и русский, но не деревен-ский, не почвенник, а прогрессист. И его приглашают на смотрыни к некому критику Андрею Моисеевичу — одному из "мудрецов "Аз-ропорта" (намёк на писательские дома у метро "Аэропорт"). Дор-брожелатели объясняют: если Куравлёв произведёт должное впечатление, то путь в блестящее будущее, включая загранпоездки, открыт. Странно управлялась советская литература, размышляет Проханов, с одной стороны, были секретари Союза писателей — бозы, за которыми — партаппарат, они влиятельны. Но была и другая группа — "люди с бархатными глазами", которые тоже создавали репутации, часто влияли на то, кто поедет за границу, а кто не поедет, и так далее. После книги об афганской войне, написан-ной Куравлёвым с государственных позиций, "люди с бархат-ными глазами" и их "дамы левантийской внешности" (как сказал бы Юрий Поляков) от него отвернулись, и его место занял Макавин. Кстати, похожего на Андрея Моисеевича персонажа изобразил в романе "Угроза вторжения" Олег Маркеев. Есть там такой Соломон Исаевич, Администратор, — дирижирующий на своей внешне скромной, как у Брайдо, должности, судьбой тысяч людей.

История Прохановым не выдумана. К тому же, проработав бо-лее четырёх десятков лет в университетско-академической среде (из них 19 лет — в советской), свидетельствую: здесь было то же самое. Были дирекция, парторганизация, профком. Но были и клановые сети, частично совпадавшие с формальной организацией управления, частично использовавшие её.

Власть знала о позиции представителей космополитичного, назовём его так, сегмента "творческой интеллигенции", но реагиро-вала весьма сдержанно. Рассказывают, что после просмотра доку-ментального фильма "Обыкновенный фашизм" М. Суслов подошёл к М. Рому и спросил: "За что же вы нас так не любите?" — в фильме латентно проводилась мысль о сходстве гитлеровского и сталинского режимов. И тем не менее без последствий для мэтра. Нежелание сориться с той частью интеллигенции, ярким предста-вителем которой был Рому, привело к тому, что Суслов не вступи-лся за своего протеже В. Кочетова, когда того после его романа "Чего же ты хочешь?" (1969 г.) начала травить либеральная ту-

Август 1991 г. Фото Даниила Духовского

совка. Кочетов обиделся и уже подписанную книгу Суслову так и не подарил. Со временем этот раритет — неисповедимы пути книж-ные и властные — оказался в личной библиотеке Ельцина.

Осмелится бы Рому на подобный кинокушнток при Сталине? Конечно, нет. А при Брежневe (и даже при Хрущёве с его непред-сказуемостью) уже было можно. Рыба нигдѣ с головы. Собственно, на мой взгляд, именно ощущение этого нарастающего гниения ча-сти власти и части интеллигенции — причина нарастающей тревоги или даже чувства обречѣнности империи у Куравлёва. Даже во время эмоционального подъѣма октябрьских дней 1993 года "Куравлёву было тревожно. Он не мог понять, откуда тревога. Почему недавнее ликование, ожидание близкой победы сменилось туман-ной печалью, непониманием своего места среди других людей. Они были подхвачены порывом и несомые неизвестно куда". Мне этот постоянный рефрен тревоги напоминает повторяющуюся и задаю-щую определённый тон в романе Ю. Тынянова "Смерть Вазир-Мух-тара" фразу: "Ещё ничего не было решено". Этой фразой Тынянов подчѣрчивает: всё уже было решено и предопределено.

Правда, возможно, в данной конкретной ситуации тревога объ-ясняется ещё и комбинацией странностей и плуостей, которую демонстрировала так называемая официальная оппозиция и её руководители Хасбулатов и Руцкой.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Сама динамика событий 1993 года очень таинственна. Там и вывезенные по команде Хасбула-това из подвалов Белого дома гранатомѣты, и крупнокалибер-ные пулемѣты. Или, например, тот факт, что толпа была спро-воцирована на столкновение: такая пиррова победа, которая была одержана демонстрантами, — снятие оцепления с Бе-лого дома обернулось уходом всей массы в Останкино. Ко-нечно, из центра нельзя было выходить…

Андрей ФУРСОВ. Да, история с гранатомѣтами странная. Представьте, если бы они были у защитников Белого дома: не-сколько метких выстрелов по танкам, и всё — патовая ситуация, а на полноценную гражданскую войну Ельцин не решился бы, да и военные его не поддержали бы — не по доброте душевной, а из-за страха перед ответственностью.

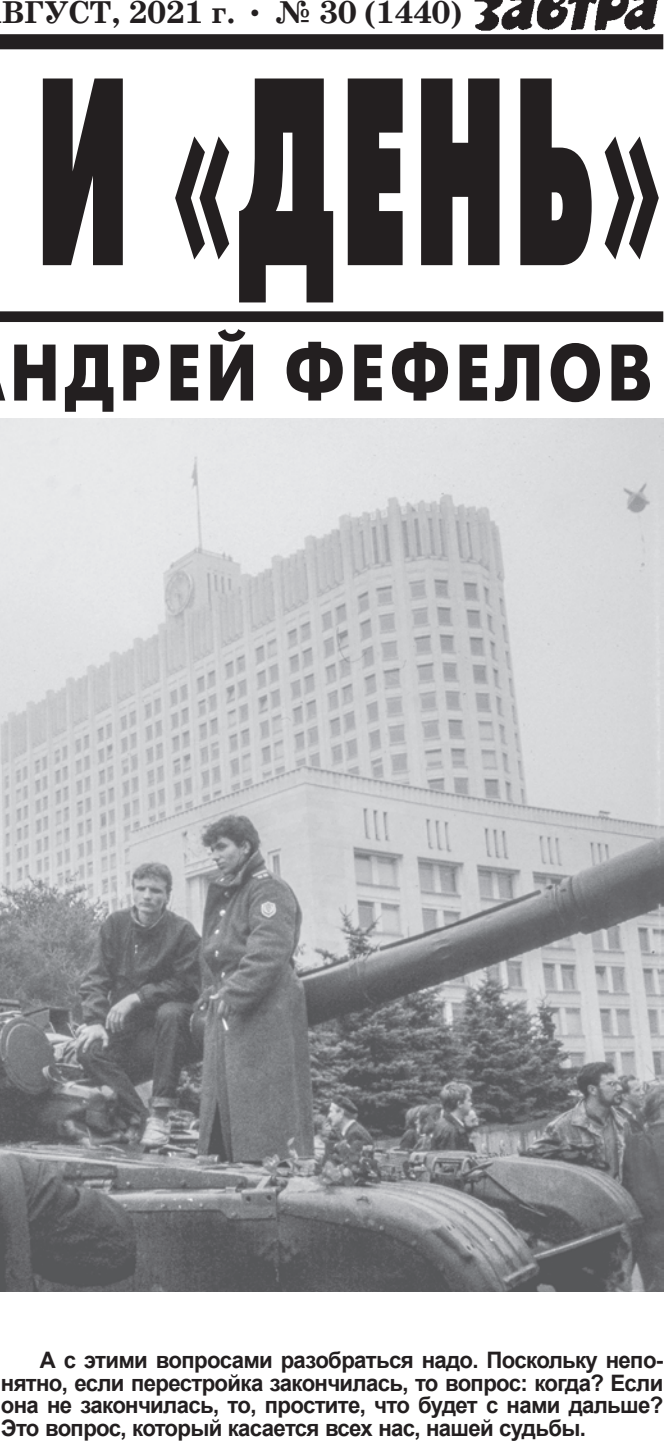
Я спросил Александра Андреевича по поводу вывоза гранато-мѣтов и пулемѣтов — было ли это предательством? Он ответил — нет, это была договорѣнность о взаимных уступках Ельцина и Ха-сбулатова, которые хотели договориться, достичь компромисса, и только когда всё рухнуло, Хасбулатов поневоле оказался лидером жѣсткой оппозиции. А рухнуло — потому что те силы, как местные, так и западные, которые стояли, соответственно, за Ельциным и Хасбулатовым, подтапливали, вели дело к крови. Позицию этих кругов в романе "День" озвучил Куравлёву В.Ю. Сурков, тогда ещё банкир. Отвечая на вопрос Куравлёва, будет ли насилие, Сурков (из романа "День") отвечает: "Оно будет беспощадным! Онѣм и железом будут выжигать всё, что осталось от советского времени". И Куравлёв понимает, что это позиция классового врага: "...моло-дой банкир был враг, был тот, в кого целила баррикада. Тот, кто на-сылал на баррикаду солдат. Было заманчиво среди телевизионной истерии демократов услышать спокойный голос врага".

Из того, что сказал Сурков, ясно: если провокация с путчем за-теивалась для удара по СССР и — окончательного — по КПСС, то провокация с октябрьским восстанием была затеяна, чтобы дода-вить недодавленный ещё советизм и устроить народ. Другое дело, что и додавать, и устроить до конца не получилось, — "глу-бинный народ" с его архетипами оказался не по зубам его врагам, т.е. врагам народа.

Действия скрытых сил, манипулировавших двумя (фор-мально) первыми лицами страны, — это одна причина того, что ситуация разрешилась так, как она разрешилась. Была и другая. Дело не обстояло так, что противоборствовавшие две стороны, была и третья, пытавшаяся сыграть на их противоречиях. Назо-вѣм её условно "группа Ачалова", но они свой шанс упустили — изошёренности не хватило, простоваты, как сказал мне однажды (правда, по поводу других людей) Л.В. Шебаршин. Но и это не всё. У меня нет прямых доказательств, но, судя по косвенным, создаѣтся впечатление, что была ещё четвёртая сторона, кото-рую, скорее всего, использовали втѣмную для хаотизации ситуа-ции. В итоге проиграла все: Ельцин пролил кровь и в глазах огромной части народа навсегда утратил легитимность, а его режим исходно охромел — победа оказалась пирровой; карье-ра Хасбулатова-неудалого закончилась (надо было часть гранато-мѣтов оставить, тогда, глядишь, стал бы удалым, а так — не орѣл); судьба "ачаловцев" известна, ну а некоторые "игроки" на "четвёртой стороне" (если я прав в своей догадке) продолжили карьеру, впрочем, ненадолго — на срок не более трёх лет.

Закончился октябрь, и начался пир стервятников, цирк уродов. Сегодня мы видим их, постаревших (причѣм, не всех: "иных уж нет, а те — далече"), но всё таких же подлых, застрявших в помойной девяностых и ненавидящих советскую систему, Сталина. Поста-пад, глобалисты ненавидят Сталина за то, что он более чем на полвека заблокировал, затормозил реализацию их планов созда-ния Нового мирового порядка. Местные бездары и ворѣе ненави-дят Сталина за то, что первым в его системе ничего не светило, а вторых в лучшем случае посадили бы. Это классовая ненависть, приобретающая поистине зоологические формы. Разумеется, Ста-лин не был белым и пушистым, его мир был серым, холоден и же-сток — и он был таким же. Ключевский сказал об Иване Грозном, что тот бил, чтобы не быть битым. Это же и ситуация Сталина, который писал, что по мере строительства коммунизма классовая борьба будет нарастать. Так оно и вышло. Август 1991-го — это реванш, с одной стороны, глобалисты над мировой и самой мош-ной формой исторической России, с другой — превратившейся в квазикласс номенклатуры, теневого ворья и курировавших его гѣ-бшников над системным антипатологизмом.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Будет 30-летие "августовских событий". Не говорят, "контрреволюции" или "революции", "капитали-стической революции", буржуазной… Говорят "неких собы-тий". Есть октябрьские события, ест, августовские события. Эти две книги посвящены августовским и октябрьским собы-тиям. Этот юбилей, как и все юбилеи в современной России, пройѣт незаметно и бездарно. Возможно, кто-то выйдѣт на какое-то мероприяtie, фактивное или подлинное, возможно, появится какой-то документальный фильм на центральном телевидении, возможно, лживый, а может быть, имеющий ин-тересные повороты, оценки. Но и всё!

А с этими вопросами разобраться надо. Поскольку непонятно, если перестройка закончилась, то вопрос: когда? Если она не закончилась, то, простите, что будет с нами дальше? Это вопрос, который касается всех нас, нашей судьбы.

Андрей ФУРСОВ. Да, власть постарается затушевать и смикшировать это событие, ограничившись "гнилым базаром", поскольку её корни, а в каких-то случаях — грязные тайны — в том августовском гнилом болоте. Ну а мы на что? Собственно, беседой о двух новых романах Проханова мы и начинаем этот разговор. Думаю, август 1991 года, помимо прочего в тогдаш-ней истории, — это точка невозврата в перехвате управления СССР внешними силами, установления системы внешнего управления. Однако до тех пор, пока формально сохранялись советские структуры, перехват не мог быть завершённым, а глобальные рейдеры не могли чувствовать себя уверенно. И последовала провокация 2–4 октября 1993 года с участием спецназа США, Израйля и Франции; очень похоже на "мето-дику" свержения Чаушевски в Румынии — с поправкой, разуме-ется, на страну и исторические обстоятельства. "Внешняя ли-ния", пусть слабее, чем в "ЦДЛ", в "Дне" тоже присутствует.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Скажите, какие линии, темы дилогии вы бы выделили как главные, стержневые?

Андрей ФУРСОВ. Пойдѣм от меньшего к большему. Тема предательства — личного ("Отлом", как сказал бы Юрий Трифо-нов, людей от Куравлёва после его афганской книги), политиче-ского, государственного. Далее — тема личного выбора и ответ-ственности за него. Наконец, тема нравственности — это традиция большой русской литературы, к которой, несомненно, принадлежит Проханов, а потому два эти романа — ещё и ро-маны воспитания. Особое качество большой русской литера-туры — внелитературная избыточность. Она занимает в обще-стве место, значительно большее, чем литературы Запада и Востока, затрагивает намного больше тем, чем это кажется нор-мальным для литературы как явления, и имеет намного больше материализующихся внелитературных последствий. Обратите внимание: "ЦДЛ" и "День" буквально вынесли нас в обсуждение таких тем и проблем, которые выходят за рамки обоих романов, и в этом огромное значение этих книг. Они — факт обществен-ной, а не только литературной жизни.

Дилогия, как и всё творчество (литературное и общественное), учит необходимости сопротивления злу, даже если человек счита-ет себя обречѣнным на поражение. При этом нужно помнить: полной обречѣнности и полных поражений не бывает. Проиграв в полити-ческой борьбе, Проханов, собрав единомышленников, развернул борьбу информационно-идеологическую, духовную, прежде всего на страницах своих газет. И если сначала это выглядело как дей-ствия партизан на оккупированной территории, то постепенно стали вырисовываться контуры регулярной армии.

Бой, который ведѣт Куравлёв/Проханов, разворачивается в двух измерениях, они, однако, тесно связаны друг с другом. Первое — конкретно-политическое: здесь борьба ведѣтся различными, в том числе неполитическими способами, здесь у писателя конкретные союзики и противники, друзья и враги. Всё конкретно. Второе из-мерение — метафизическое, историческое: здесь Куравлёв — один на один с Историей, на опасном randevу с ней. И это делает его субъектом в одном лице и одновременно придаѣт ему, его дей-ствиям надличностное качество — без этого бытие в метафизике невозможно, а на randevу с несубъектом История не согласна. Собственно, центральная тема дилогии, на мой взгляд, это чело-век в противостоянии с Историей и на её крутом изломе, выверте; осмысление и этого выверта, и Истории, и себя в ней. Это сложная и опасная метафизическая позиция, но она парадоксальным обра-зом серьёзно усиливает позицию в "физической" борьбе, позволяя наносить удары из метафизики по "физике", из будущего в настоя-щее. Не менее важно и то, что именно сеанс Игры с Историей "на двух досках" позволил Куравлёву очертить контуры субъекта, ру-шащего СССР руками жловлевых, горбачѣвых, ельциных, сложить исторический пазл и увидеть то, чего не увидели те, кто играет исключительно на "физической" доске, и кого враг загнал в ситуацию "обороны тулика". В известном смысле владение метафизикой от-крывает потайную дверь управления Историей.

Игра с Историей один на один, независимо от исхода "физиче-ской" борьбы, сама по себе штука победительная. Недаром у Алек-сандра Андреевича есть такие строки:

*Я был солдат. Я жизнь провѣл в сраженьях.
Мох утрат не везесть на весах.
Я потерпел земное поражение,
Но одержал победу в небесах.*

Победа на небесах не делает менее горьким земное пораже-ние, но, во-первых, "физические" поражения, в отличие от метафи-зических, не бывают окончательными. Во-вторых, это поражение прежде всего не лично Проханова/Куравлёва, а той части поздне-советики, которая пыталась сохранить строй, страну, империю, если угодно. И Проханов, как солдат (в высоком смысле слова), продолжил борьбу за империю даже после того, как она исчезла, а над её бывшими просторами "разгулялись, распылялись бесы", начались ведьминские свадьбы и похороны высокопоставленных леших. Империя существует до тех пор, пока её мыслят.

Мы начали нашу беседу строками из стихотворения Проханова. Хочу закончить ещё двумя:

*Я мост, веющий от рождѣня к смерти.
Я по мосту ибущий пешеход.*

Для меня смысл этих строк прост. Метафизика: Проханов своей борьбой, своим творчеством — это мост над пропастью из России советской в Россию будущего, по намерению — в будущую импе-рию, впрочем, как мы знаем, есть логика намерений и логика об-стоятельств… Физика: и он же, один в двух лицах, воин-путник, идущий по этому мосту — опасному, узкому и лезвиеподобному, как мост Чинват в персидской мифологии.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Андрей Ильич, огромное спасибо за бе-седу!

Андрей ФУРСОВ. Спасибо вам и, конечно же, автору дилогии.

Главный редактор Александр ПРОХАНОВ

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.

E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: <http://zavtra.ru> Служба распространения: (499) 246-88-52 (т./ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.

Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, <http://www.redstarprint.ru>, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 20 000

Заказ № 4783-2021

Дата выхода в свет — 04.08.2021 г. Подписано в печать 03.08.2021 г. в 15.00, по графику — в 15.00